5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 9 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ МОСКВА, Солянка, 12, Дворец Труда. ◆ Телефон редакции и конторы: 5-08-17. 1927 ГОД

ТУЛА НА ЭКЗАМЕНЕ

Рис. А. Радакова

Тульский коммунотдел получил для заполнения анкеты с 4500 вопросами.

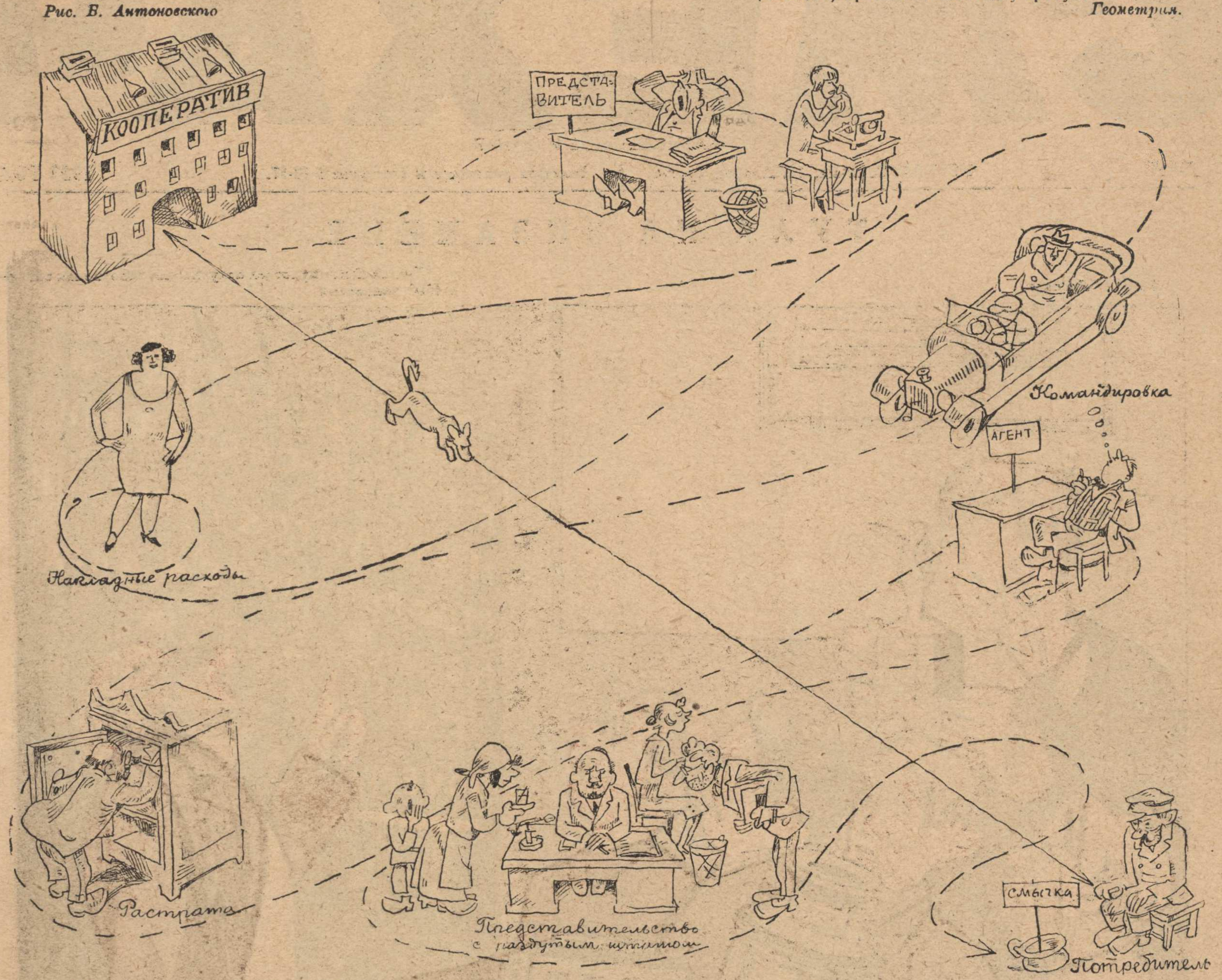
Один дурак может задать столько вопросов, что 30 умных человек не смогут ответить на них.

ЗАБЫТАЯ ПРЯМАЯ

Между двумя точками можно (и должно—Примечание редакции) провести только одну прямую.

Геометрия.

Рис. Б. Антоновского

У нас частенько для сообщения между двумя точками пользуются весьма скверными кривыми.

ХЛЕБНОЕ ДЕЛЬЦЕ

Три хлебопека, Кешеньянц, Огонесьянц и Дерденянц, продавали принадлежавшую им хлебопекарню.

Лица, решившие приобрести эту хлебопекарню за 3.000 рублей, собрались для расценки и приема инвентаря.

Как всегда, в таких случаях, наружная дверь хлебопекарни была закрыта, и на ней красовалась надпись: „Закрыто по случаю переучета".

Для того, чтобы сразу оформить куплю-продажу и не попасть впросак при оценке инвентаря, тут же присутствовали двое юрисконсультов—Немировский и Вербенко.

Кешеньянц, Огонесьянц и Дерденянц демонстрировали продаваемый инвентарь.

— Одна палка от флага—называл Кешеньянц.—Огонесьянц, неси сюда палку.

— Пожалуйста,—любезно скалил зубы Огонесьянц, вытаскивая из угла палку и сдувая с нее пыль.

— Хорошая палка. Посмотри, если не веришь. Сам в лес ходил, искал, вырезал...

Новые хозяева хлебопекарни брали палку и, поглядев, передавали юрисконсультам.

— Во сколько ж оценить такую палку? Ваше заключение, товарищ?

— Гм... Сосновая... Полтора аршина длиной... В диаметре дюйма два... По-моему, двести рублей...—уверенно говорил Немировский.

Вербенко, взяв у него палку, внимательно обследовал.

— Двести? Полагаю, что даже—двести пятьдесят. Обратите внимание: вот тут есть вбитые гвозди, на которых держалось полотнище флага. Раз... два... три... Три гвоздя. За три гвоздя можно накинуть пятьдесят рублей?

Новые хозяева хлебопекарни немедленно вписывали в опись инвентаря:

„Одна палка от флага,—250 руб."

— Дальше!

— Часы с одной гирей...—докладывал Кешеньянц:—Смотри сюда, на стенку. Хорошие часы. Не ходят, не стоят, а всегда висят.

Покупатели подходили к стене, разглядывали, трогали гирьку.

— Часики, действительно, оригинальные! Давно купили?

— А вот считай сам. Десять лет мы в этом помещении. На чердак ходил, часы нашел. Сколько они там лежали—неизвестно.

— Славные часики. Во сколько их оценить? Ну-ка, товарищи Немировский и Вербенко.

Юрисконсультовы глаза зорко впились в часы.

— Триста двадцать пять рублей семьдесят пять копеек. Для круглого счета—четыреста.

„Часы с одной гирей—400 руб."—немедленно заносилось в опись.

— Дальше!

На середину помещения вылез Дерденянц, навьюченный, словно старьевщик, и принялся раскладывать разные вещи.

— Смотри дальше. У нас много всего. Смотри. Половая щетка. И еще другая половая щетка. Сколько будет? Считай сам. Два сита. Один чугун. Один умывальник жестяной.

— С водой или без воды! Как сам хочешь!—добавил Кешеньянц:—С водой течет, без воды не течет.

— Один козел железный. Два козла деревянных. Две кочерги.

— Хо хо-хо! — самодовольно заметили новые хозяева: — Да тут у вас чорт знает на какую сумму инвентаря! Две кочерги...

— По сто рублей! — подсказали юрисконсульты в один голос (вот оно, что значит опытный глаз спеца!)

— Это еще не все! — гордо сказал Кешеньянц: — Еще мы вам за те же три тысячи уступаем восемь электрических лампочек, из них одна даже на блоке, один деревянный сундук, десять лопат деревянных, одну водопроводную трубу, сорок форм от хлеба, одну печь каменную, вделанную в стену, четыре стены, две двери, три окна с хорошим видом, один пол, один потолок...

Юрисконсульты поглядели в потолок и сказали:

— Итого ровно на три тысячи.

* * *

В описанной картинке для читателя многое непонятно, многое может показаться чудовищным преувеличением.

— Позвольте! — скажет читатель: — Я знаю покупателей, я, может, и сам покупатель. Где ж это видано, чтобы покупатели не снижали бы цены, а, напротив, набивали! И потом, какой же чудак станет платить за какую-то палку от флага и вносить эту палку в опись инвентаря! И что за странные юрисконсульты Вербенко и Немировский!

На это автор ответит следующее:

— В нашем распоряжении договор, заключенный Добробутом (учреждение такое в Харькове), в лице юрисконсультов Немировского и Вербенко — с одной стороны и Кешеньянцом, Огонесьянцем и Дерденянцем — с другой.

Добробут приобретает у них за сумму 3 тысячи рублей нижеследующий инвентарь:

Одну палку от флага,
Часы с одной гирей,
Два сита,
Один чугун,
Две кочерги,
40 штук форм от хлеба,
10 штук деревянных лопат,
Один деревянный сундук,
Одну водопроводную трубу,
Две половых щетки,
Один жестяной умывальник,
Электр. проводку на 8 лампочек, из коих одна на блоке,
Один козел железный,
Два козла деревянных и
Печь каменную, вделанную в стену.

Единственно что автор прибавил в список, это — стены, двери, окна с видом, пол и потолок. А прибавил по той причине, что опасается: вдруг, при самой бешеной расценке Добробутчикам не удалось уложить инвентарь в 3.000 рублей.

И еще одно замечание. В перечне упомянуты — один козел железный и два козла деревянных. Об ослах (натуральных) не сказано: они сами собой подразумеваются в этом деле.

Ив. Прутков

ИГРА С ОГНЕМ

Литовская газета „Летувос-Жиниос" пишет: „Если мы поссоримся с русскими, мы превратимся в игрушку в руках поляков".

Рис. Ю. Ганфа

**Прелестной панне, панне — душке,
Совет простецкий мы даем:
У ней в руках — опасная игрушка,
Но все-ж играть не следует с огнем!**

ЗООТРЕСТ

В зоологическом саду
Смотреть зверей детишкам лестно.
Я вас, друзья мои, сведу
На этот раз в другое место.
Вот — учрежденье. Дом, как дом.
Извне — авто, мотоциклетки,
Внутри строителей трудом
Разбиты комнаты на клетки.
Сперва откроем эту дверь,
При входе первую направо.
Здесь обитает главный зверь:
Лев африканский в роли зава.
Ему ни слова не сказав
(Нельзя тревожить льва словами!),
Заглянем в клетку, где удав,
По нашему — управделами.
Прем дальше. Комната. Диван.
Вниманье! Женщины, не лезьте!
Здесь сладострастный павиан
Сидит на секретарском месте.
Вот клетка общая. Столы.
Конторщики и счетоводы,
Послушны, вежливы, не злы,
Известно, заячьей породы.
Из клеток прет чернильный дух.
Нам следует поторопиться.
Вот здесь, друзья мои, главбух —
Довольно хитрая лисица.
А там, где столики стоят
И на полу лежат покрышки,
За „ундервудами" сидят
Пишмашинистками мартышки.
И, наконец, приемный зал,
Плакаты украшают стены.
Здесь ждут посредники: шакал
И две пятнистые гиены.

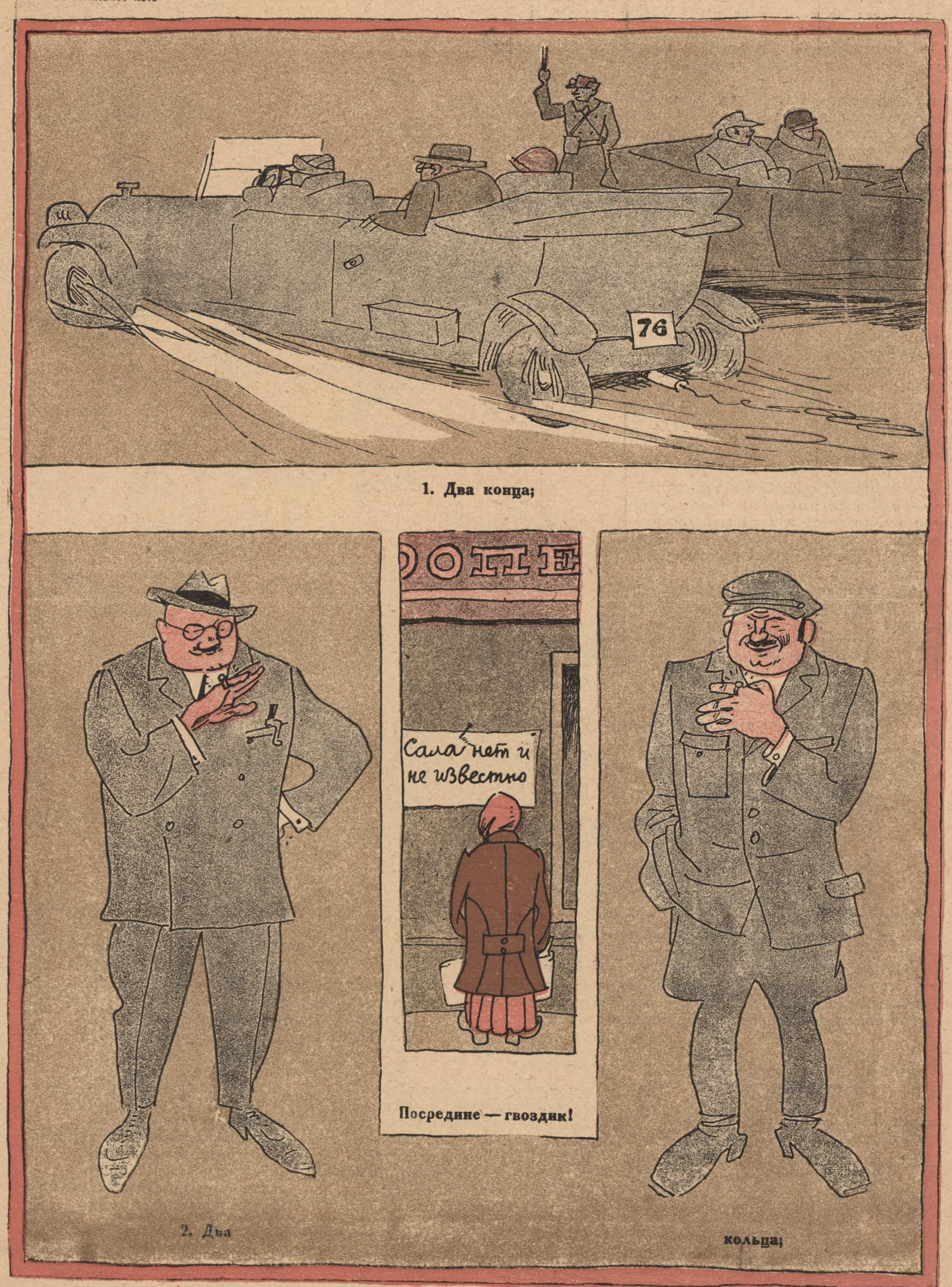
* *

Осмотр закончен. Ставим крест,
(Пусть ставит РКИ припарки!)
Мы видели звериный трест,
Не побывавши в зоопарке.

Архип

ЗАГАДКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Рис. В. Антоновского

1. Два конца;

Посредине — гвоздик!

2. Два кольца;

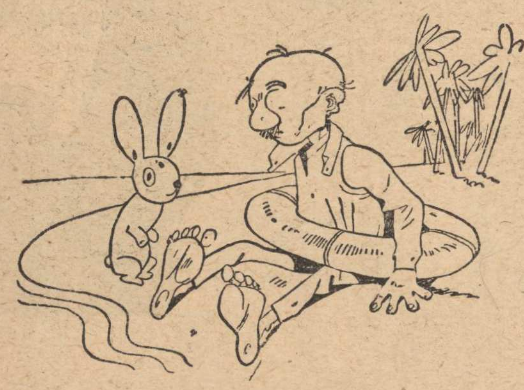
Отгадка: „НОЖНИЦЫ“.

КООПЕРАТИВНЫЙ РОБИНЗОН

Рисунки Ю. Ганфа

ШКУНА „Пантера" везла на себе закупленный Центросоюзом для потребкооперации груз и уполномоченного Центросоюза товарища Чижиченку, но зато не везло шкуне „Пантере": сначала ее трепала какая-то мертвая зыбь, потом она попала в дикий туман и представляла собою муху в полупорции сливочного мороженого, затем началась буря, которая кончилась для „Пантеры" не совсем благоприятно: буря сначала выбросила с „Пантеры" в лодки команду и капитана, а затем выбросила всю „Пантеру" с грузом и Чижиченкой на необитаемый остров.

Когда Чижиченко открыл глаза—было тихо, светло и неподвижно. В упор на него смотрело какое-то маленькое животное, в роде кролика, очевидно, никогда в жизни не видавшее коопе-

ратора и потому нисколько не боявшееся Чижиченки. Над Чижиченкой расстилалось голубое небо, справа—вода, слева—лес. В лесу чирикали незлобивые птички, а в море плавали останки „Пантеры" и закупленные Чижиченкой товары. Впрочем, часть последних лежала на песке подобно самому Чижиченке

Прежде всего,—горе счастливого кооператора, видящего, как вверенный ему товар подвергается утечке и подмочке—не поддается описанию. Сначала он растерялся. Но, быстро сообразив, что надо спасать общественное достояние, —храбро кинулся в море на предмет извлечения из оного товаров и останков „Пантеры". Как и полагается на уважающем себя необитаемом острове, немалую помощь в этом деле Чижиченке оказал прилив, вытащивший на прибрежный песок почти три четверти плававшего у берегов имущества. Остальную четверть вытащил лично Чижиченко.

СЛЕДУЮЩИЙ день был для Чижиченки днем хлопот и непокладаеручного труда: надо было найти помещение под кооператив, созвать собрание, выбраться в правление, избрать ревизионную комиссию, лавочную комиссию, расценить товары, списать товары, погибшие в море, удешевить подмокшие,—словом, нужно было кооперировать необитаемый остров.

Впервые облюбовавший его кролик не отходил ни на шаг, с рискованным любопытством следя за его действиями. Из этого Чижиченко вывел вполне резонное заключение о том, что на острове нет ни кооператоров, ни хищных зверей,—иначе зверюшка не вел бы себя так доверчиво. В сопровождении кролика он двинулся в путь и вскоре убедился, что он действительно на острове, действительно на необитаемом людьми и действительно лишенном хищных зверей. При обходе берега Чижиченке удалось обнаружить пещеру, вполне подходящую под квартиру правления кооператива и под самый магазин. Осмотр самого помещения отнял не много времени и показал, что в пещере тихо проживало семейство каких-то неведомых овец, которое на Чижиченку обратило слабое внимание и во всяком случае не выразило ни удивления, ни испуга.

— Что ж!—сказал добродушный Чижиченко:— в тесноте, да не в обиде! В Москве у нас и теснее живут!

Глава овечьего семейства сказал:

— Бее!

И сделка состоялась.

Чижиченко занялся оборудованием помещения, переноской товаров, размещением их, не спуская глаз со своего приятеля кролика, который, воспользовавшись тем, что один их ящиков с фруктами был разбит морем,—тихо лакомился невиданной пищей.

Следующий день Чижиченко посвятил подсчету товаров, уяснению потерь, причиненных кораблекрушением, а также и вообще рассмотрению спасенного имущества.

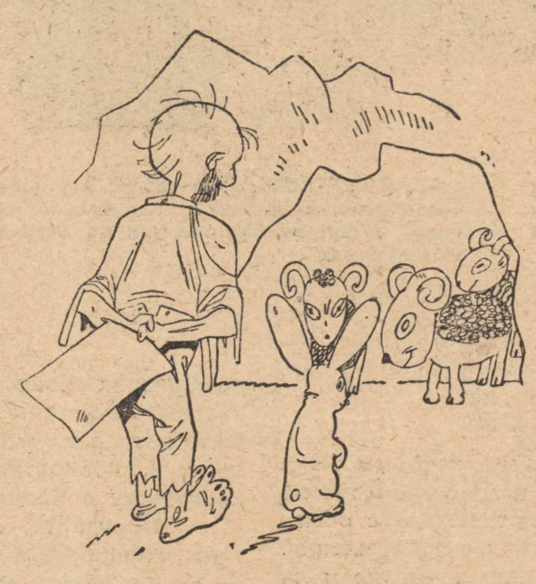
ИМУЩЕСТВА оказалось много и притом самого разнообразного. Маловато, как и полагается, было мануфактуры, обуви, мыла, керосина, соли и сахара,—зато в избытке консервы, колбасы, ветчина, фрукты, бумага, карандаши, перья, чернила и все прочее, необходимое для процвевания кооперации на том острове, на котором ей не грозила конкуренция со стороны частного или государственного рынка. Обнаружил также Чижиченко несколько ящиков с бутылками коньяку, вина, ликеров и прочих напитков. Словом, все было, как полагается,—надлежало лишь оформить дело.

В лесу Чижиченко заметил значительное количество мелких животных, в роде привязавшегося к нему кролика. Это Чижиченку порадовало: он решил, не откладывая в долгий ящик, собрать из них общее собрание пайщиков и выбрать правление, в которое он наметил своего кролика, своих сожителей овец и, в качестве председателя, самого себя.

Попытка созвать собрание при помощи повестки потерпела явную неудачу, за которую Чижиченко клял себя последними словами:

— Разве можно первое собрание на сухую созывать?! Надо же привлечь массы!!!

На утро, вскрыв несколько ящиков с продуктами, Чижиченко в глубине леса положил целую горку лакомства и от нее провел из лакомств же дорожку в кооператив, где навалил целую гору разнообразной снеди. Успех превзошел всяческие ожидания: пещера наполнилась самыми разнообразными мирными зверьками, немедленно принявшимися за даровой обед. Чижиченко произнес собравшимся краткую речь, выслушанную в глубоком молчании.

Чижиченко говорил о рочдельских пионерах, о необходимости выбрать деловое и достойное доверия правление, о том, что розничные цены должны быть снижены в точном соответствии с ценами отпускными,—словом, был на высоте своего призвания и вел себя так, как вел бы перед людьми. В заключение, он поздравил собравшихся с организацией первого кооператива на острове имени Чижиченки, предложил высказаться и наметить кандидатов.

Желающих высказаться не было. Несколько смущенный отсутствием аплодисментов, Чижиченко снова взял слово и внес конкретное предложение:

— Предлагаю в состав правления избрать тов. Кролика, тов. Баранова, тов. Овцову и тов. Чижиченко. Возражений нет?! Принято единогласно, то-есть при одном воздержавшемся!!!

После выборов собрание, только что доевшее даровое угощение, быстро разошлось, а хитрый Чижиченко принялся за составление акта о приемке кооперативного имущества и о выписке в расход утраченных и подмоченных продуктов. На акте он первый, как председатель, подписался с витиеватым росчерком и предложил затем подписаться кролику и овечьему семейству Те сделали вид, что не понимают. Чижиченко пробовал их уговорить,—уговоры не действовали. Тогда он заготовил на акте надпись:

— За неграмотностью руки приложили... положил развернутый акт на пол у входа в пещеру, облил всю пещеру чернилами и ушел. Через час подписи, вернее лапоприкладство было проделано, акт был оформлен.

ДЕЛА кооператива, если не считать естественного на необитаемом острове отсутствия покупателей, шли блестяще: овцы пристрастились к сгущенному молоку и консервированным сливкам, кролик грыз все, что ему попадалось под зубы, а Чижиченко питался с большим разбором и радовался, что члены правления подобрались непьющие.

Раз в неделю Чижиченко вывешивал дощечку с надписью:

— Закрыто по случаю переучета!

Списывал на вредителей потребленный правлением товар и раскладывал его стоимость на товары оставшиеся. К акту прикладывали лапы члены правления, а Чижиченко прилагал к нему же свой счет за изготовление новых дощечек с ценами и на сверхурочные.

Дни шли за днями. Чижиченко полнел, полнел кролик, не худели и овцы. Несколько смущало отсутствие покупателей, некого было поучить, не на ком было показать свою власть. Но Чижиченко нашелся и здесь: он сам представлял и покупателя, и продавца.

Товаров становилось все меньше и меньше, цены все выше и выше.

РАЗЖИРЕВШИЙ Чижиченко решил, что ему необходим моцион и в один прекрасный день, во время „обеденного перерыва", вышел на берег с твердым намерением начать курс лечения морскими ваннами!

Море расстилалось перед ним, как штука ситца по прилавку,—с легкими бугорками, как-будто под него кое-где подсунуты аршин, кусок колбасы, открытая коробка с „Функом" и еще какие-то мелкие предметы. В дали...

Тут Чижиченко протер глаза и снова пристально посмотрел в даль. В дали, почти на горизонте ясно виден был какой-то пароход с красным флагом, явно направлявшийся к острову имени Чижиченки.

Сердце несчастного забилось сильно-сильно:

— Так и знал!—подумал он: наверное, ревизионная комиссия едет!—и со всей скоростью, допускаемой его положением на острове и дородностью, кинулся к магазину проверять наличность и отчетность. Все—все факты, протоколы заседаний, счета и прочее—все было в порядке. Наличности было маловато, правда, но... акты же есть?!!

Пароход бросил якорь возле острова и спустил большую шлюпку. Через несколько минут шлюпка причалила к берегу, команда выскочила на песок и побежала к Чижиченке, неподвижно стоявшему у входа в магазин:

— Вы—Чижиченко? — взволнованно-радостно спросил капитан парохода.

— Я Чижиченко!—дрогнувшим голосом ответил Чижиченко: и прибавил:

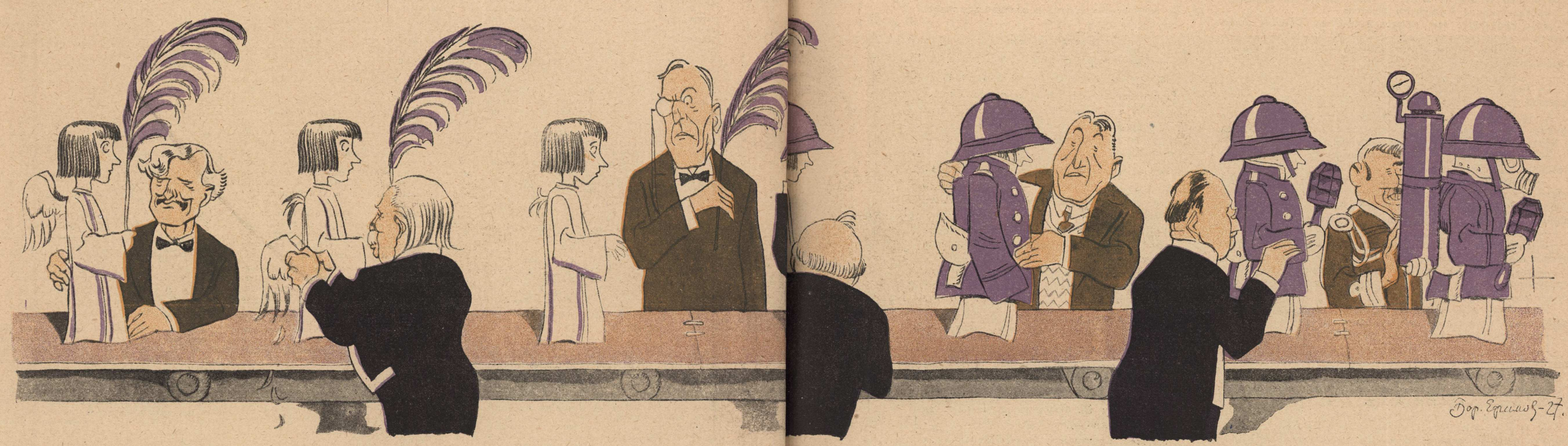
— Что ж!!! Идите, ревизуйте!!! У меня все в порядке!!! Все акты налицо...

Вл. Павлов

АНГЛИЙСКИЙ ОНВЕЕР МИРА

(По систе Форда)

Рис. Б. Ефимова

1. МАКДОНАЛЬД:—Милое дитя! Взмахни своими демократическими крылышками и отнеси бедным обиженным китайцам радостную ветку мира.

2. ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ:—Дитя! Эти демократические крылышки тебе только мешают. А мне они пригодятся на очередных выборах.

3. ЧЕМБЕРЛЕН: — По праву эта пальмовая ветвь принадлежит мне. Ведь я получил нобелевскую премию мира, а не ты Иди, мальчик!

4. —Бедный юноша! Ведь так диться не долго. Вот тебе ка. Она, правда, весит 11 зато великолепно ваш шрапнели.

5. БИРКЕНХЕД: — На восток и голым? Этот почти новый мундир, а также мало подержанные галифе и сапоги скрасят твое пребывание в этой варварской стране.

6. ХИКС: — Ба! Где же твоя пальмовая ветвь? У тебя руки совершенно свободны. Возьми эти предметы первой необходимости для ведения мирных переговоров.

7. ДУНКАН: — Вот бомбы. Они остались от интервенции в Архангельске. Возьми их, мой бравый ангел мира, и покажи этим желтолицым собакам, что ради мира Англия способна на все!

НАХАЛ

(Научное)

НАХАЛ, в отличие от дурака и негодяя, которым были посвящены солидные труды,—тип малоисследованный. Многие чудаки до сих пор еще смешивают нахала с обыкновенным сереньким хулиганом. Это глубокое заблуждение. Хулиган бузит просто так—благодаря ложным взглядам на жизнь, под влиянием среды, под действием винных паров. Хулиган бузит без причины и извлекает из своих поступков только одни неприятности.

* * *

Нахал бузит очень редко и только тогда, когда из бузы можно извлечь материальные выгоды. Нахал или ловкач (lovcatch) — холодный, злой, расчетливый человек. Он слегка плешив, всегда тщательно выбрит, носит брюки в полоску и чистит их по утрам метелочкой. Глаза у нахала светло-голубые и очень спокойные. Среди родственного ему общества малоповоротливых и тупых мещан—это щеголь и аристократ духа.

В гастрономическом магазине Моссельпрома нахал платит деньги вне очереди.

— Позвольте, позвольте, — говорит он, расталкивая публику,—мне не платить... Мне тут доплатить только... Двугривенный. Посторонитесь, бабушка! Один момент!.. Уно моменто, хе-хе...

Когда публика обрушивается на нахала целым водопадом проклятий и ураганом жестов, в его голубых глазах появляются искорки смеха и на щеках образовываются ямочки. Он смотрит на беснующихся людей с веселым удивлением и даже оборачивается назад: кого, мол, это ругают?

* * *

Это он, нахал, стучит палкой в оцинкованное стужей окно послеслужебного трамвая, желая ускорить движение выходящих на остановке пассажиров. Это он, приметив еще из дверей вагона уютное и удобное местечко у выхода, спешит поскорее занять его, садится, вынимает тугое портмоне и, полностью воспринимая радость жизни, говорит никнущему в проходе инвалиду:

— Передайте, любезный, деньги кондуктору. На полторы станции. Да сдачи не позабудьте.

— Да ведь у меня рук нет, милый,— скромно отвечает инвалид.

— А ты зубами. Я, брат, в цирке одного такого видел. Тоже из ваших. Без рук, стервец, обходится. Карты тасует... Ты пойди, полупочтенный, посмотри.

— Боже, какой нахал!—с молитвенным ужасом шепчет сидящая рядом старушка.

— Ну уж и нахал. Это вы, мамаша, слишком. Просто жертва империалистической бойни.

* * *

Если спросить нахала — сколько он заплатил за билет второго ряда в академическом театре, нахал начнет неистово хохотать и, плача от смеха, скажет, что ни разу в жизни не осквернял своего достоинства покупкою театрального билета.

Но вот нахалу нужно приобрести костюм. Как же нахал поступает?

Он идет в большой государственный магазин и, покрикивая на приказчиков, начинает рыться в грудах панталон и пиджаков.

— Чорт бы вас разодрал сверху до низу! — говорит нахал смущенному приказчику.—Да разве-ж это качество продукции? Это извозчичья кляча, а не пиджак. А это что? Я вас спрашиваю, что э-то та-ко-е?

— Брюки-с,—лепечет приказчик.

— Что? Как вы говорите? Я не расслышал.

— Брю...

— Ах, брюки! Так вас понимать? Ага! Так вы осмеливаетесь утверждать, что вот эти отбросы улицы, эти разрозненные кусочки навоза, эти инфузории, эта эманация хлопчатой бумаги—и есть брюки? Оч-ч-чень хорошо!

* * *

— Молчать! — кричит нахал подошедшему на шум заведующему.—Вы у меня попрыгаете! Я вас... Сколько стоит этот загрязненный, бывший в употреблении мешок, который вы называете костюмом? Что? Семьдесят пять? Без торгу? Что-о-о? Ну, ладно. Заверните. Деньги запишите за мной.

— Мы торгуем только за наличные, — хрипит заведующий, вытирая демисезонным пальто обильный пот.

— Ах, Коля, Коля, — говорит нахал с грустью. — Нехорошо это, Коля. Нехорошо, милый. Не ожидал я от тебя такой обывательской идеологии. За наличные, за наличные... Да что ты частник, прости, господи! Ах, Коля...

— Да ведь Иван я, а не Коля,—стонет заведующий.

— Тогда тем более,—тихо говорит нахал.—Ты, Ванька, брось бузить. Сам знаешь, что я не люблю этих фиглеймиглей. А туда же, кобенишься. Запиши, тебе говорят, Ванюша. В среду отдам, ей богу.

— Шутите вы, граждани,—шепчет заведующий,—не отдадите, небось.

— Это я-то? Не отдам? Я? Дурачок же ты, Ванятка. Ну да ладно уж. Спасибо. Пойду я. До свидания, Николаша. В пятницу отдам. Кланяйся. Мишук, жене и детям. Адье.

Размахивая покупкой и расталкивая прохожих, нахал спешит к знакомым обедать.

* * *

Мы видели нахала в частной жизни.
Что же делает нахал на службе?
Да ничего не делает.
Таков нахал.

Евгений Петров

СПЕЦЕЕДСТВО

НА нашей железной дороге с'ели одного технического спеца Андрона Афанасича Изотова.

Дело произошло так: прямое начальство Андрона Афанасича однажды сказало ему:

— Умеете ли вы, многоуважаемый Андрон Афанасич, с нивелиром работать?

— Конечно, умею, — ответил спец.

— Тем лучше. Возьмите вы в инструментальной самый дорогой нивелир и поезжайте на с'емку местности.

Спец Андрон Афанасич взял самый дорогой нивелир и вместо того, чтобы ехать на с'емку местности, пешком пошел в городской отдел коммунального хозяйства.

— Вот, — сказал он старшему инженеру, — продаю нивелирчик.

— Надеюсь, не кр...—начал было старший инженер, но вовремя вспомнил, что „не кр..." нивелиры с рук очень редко продаются и поэтому по врожденной деликатности переменил вопрос: надеюсь, не крупную сумму за него запросите?

— Ровно триста.

— Прекрасно,—сказал инженер,—нам нивелир позарез нужен, мы прямо волком воем без нивелира. Но во избежание недоразумений вы нам дадите подписку, что он ваш собственный. Приходите завтра и прямо ко мне. У меня уже будут деньги.

На другой день Андрон Афанасич принес к инженеру ящик с нивелиром, а инженер уплатил ему деньги.

После этого инженер начал открывать ящик.

— Что это, говорит,—с ключом случилось? Просто, не отворяет ключ, да и только.

Повозился и Андрон Афанасич.

— Да,—говорит что-то заело. Придется вниз сбегать, у меня в пальто еще ключ лежит.

Ушел он после этого и не вернулся.

А на другой день к прямому начальству Андрона Афанасича приходит инженер из коммунхоза, страшно волнуется и говорит:

— Какой ужас произошел! Не служит ли у вас вот такой технический спец: роста небольшого, глаза монгольские, а зубы желтые? А по фамилии техник Изотов?

— Есть,—говорят.

— Продал он нам нивелир, может его собственный а может и ваш, но только когда мы ящик вскрыли, то оказался там не нивелир, а очень хорошо запеченный окорок. Что делать и не знаю. Придется мне свои триста целковых выкладывать.

— Как же,—утешает его прямое начальство,—вы расписку с него не взяли?

— Взял! Но как я в ней одно слово проморгал и ума не приложу! И сам диктовал и сам читал, а проморгал! Вот, не угодно ли,—строка. Тут должно быть „за триста рублей продан ящик с нивелиром Герляха", а стоит „продан ящик от нивелира Герляха". Разве у меня коммунхоз примет ящик хотя бы с окороком за триста рублей?

— Да,—сказало начальство,—р а с п и с к а правильная. Даже подписи сделаны: „Сдал такой-то, принял такой-то"... Трудно вам будет оправдать себя.

Ушел инженер крайне расстроенным, а у Андрона Афанасича потребовали обратно нивелир. Нивелир он сдал в совершенно исправном виде. Мало того, вместо старого березового ящика он возвратил новый, дубовый. И, конечно, был бесконечно огорчен, когда его поперли со службы и, кажется, без права поступления на железную дорогу.

Евграф Дольский

РИМСКАЯ СВЕЧА

(Жизнь по блокноту)

1/I. За бобриковую куртку и валенки уплачено на Сызранском базаре . . . . 31 р. 50 к.

3/I. Билет от Сызрани до Москвы . . . . . . 8 „ 26 „

4/I по 18/II. За номер в гостинице „Миссисипи" . 182 „ — „

За то же время—кафе, извозчики и трамвай . 89 „ 58 „

17/I. При реализации золотых на черной бирже, штрафу в милиции . . . . 5 „ — „

19/II. Управдому дома № 17 по Кыскину переулку за предоставление комнаты в помянутом доме . . . . 450 „ — „

20/II. Ему же за непролетарское происхождение . 50 „ — „

3/III. За колбасу, булки, чай и сахар на организационном собрании кооператива „Лжекоопарап" . . . . 1 „ 87 „

8/III. За регистрацию кооператива „Лжекоопарап" в Москопромсоюзе, за бланки и анкеты . . . . 5 „ 45 „

11/III. За разрешение круглой печати помянутого кооператива подлежащих сборов в Административном Отделе . . . . 1 „ 31 „

12/III. Аванс в счет платы за арендованное конторское помещение по Брюшкову переулку . 200 „ — „

17/III. За мебель для помянутого помещения . 175 „ — „

25/VI. За присвоение кооперативу трудового характера, крестьянам села Мохряковки мануфактуры на сумму . . . . 76 „ 80 „

16/VII. Портному Ж. Купорос из Парижа за летнюю пиджачную пару „фантази" . . . 156 „ — „

1/IX. По счету в ресторане „Рио-де-Жанейро" за ужин на две персоны . . . . 42 „ 50 „

1/IX. Прокатная машина из помянутого ресторана на квартиру к коммерческому директору треста „Бумхлоп", а оттуда, ссадив директора, домой в Кыскин переулок . . 15 „ — „

15/XI. Из рук в руки коммерческому директору треста „Бумхлоп" у него на квартире . 5 000 „ — „

2/XII. Частному маклеру Дохману за приобретение иностранной валюты на сумму 25 000 рублей—1½% означенной суммы . 375 „ — „

С 3/XII по 30/XII в виду отсутствия денежных сумм: . . . .

11/XII. Выделено старосте уголовного коридора, при получении передачи . . . . 1 булка.

14/XII. Бандиту Яшке-Шпингалету, во избежание побоев—1 коричневый шерстяной свитер.

26/XII. На станции Уроч (между Ярославлем и Вологдой) неизвестной бабе за крынку молока передано — 1 подушка спальная.

29/XII. На станции Татарск (между Омском и Новосибирском) таким же образом, за то же, тому же и посредством того же—1 пара кальсон полотняных.

31/XII. В виду предстоящего с л е д о в а н и я вглубь страны, за пимы и доху уплачено на Новосибирском базаре . . . 55 р. 50 к.

Выписки из расходной книги делал

В. Ардов

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

Рис. К. Рудакова

— На вашем заводе в прошлом году много прогулов было?
— Ни одного.
— Да ваш завод, видно, на высоте?
— Нет! Он только с этого года работает!

У ИСТОКОВ БЮРОКРАТИЗМА

Во Франции недавно закончилась в пользу крестьян земельная тяжба, начавшаяся 599 лет тому назад.

Из газет.

Рис. Н. Радлова

КРЕСТЬЯНИН: — Господин начзамка! Когда же мое дело разбираться будет?
НАЧЗАМКА: — Приходи, милый, лет этак через 250 или, лучше, через 400.

СОВЕТСКИЙ БЮРОКРАТ (в восторге):
— Вот люди жили!!!

КАК Я РАЗЛОЖИЛСЯ

(Исповедь одного хозяйственника)

Когда я приехал в Берлин

в командировку по делам нашего треста, после делового разговора с управделами торгпредства, между прочим спросил у него:

— А скажите-ка, где тут буржуазия разлагается?

Управдел, должно-быть, привыкший к таким вопросам, зевнул как-то по-заграничному в манжет и буркнул:

— Ладно, вечером покажу!

Пришли мы с ним

в один ресторан. За столиками европейцы сидят в новеньких пиджачках и даже во фраках, с дамами; о чем-то разговаривают и пьют вино. На сцене куплетист, размахивая тростью и цилиндром, чеканил какие-то непонятные слова.

— Ну, как?— спрашивает меня управдел.—Нравится?

— Ничего особенного, — отвечаю. — Какое же это разложение!? У нас в любой пивнушке хлеще. Вы не думайте, что я какой-нибудь вегетарианец, вы мне покажите настоящее разложение со всеми калькуляциями.

— Ну, что ж.— согласился управдел,— пойдемте тогда в другой ресторан!

Опять пьют,

курят, смеются. А на сцене негритянки коричневые безо всякой мануфактуры, только в чулочках, белками ворочают, и зубами, белее снега,— щелк, щелк!

— Во,—подмигивает мне управдел,— глядите, как здорово разлагается. Результат колониальной политики.

— Вы,—говорю ему, политграмоту плохо знаете. При чем тут политика. А женщины у нас еще голее, и не какие-нибудь темно-коричневые, а даже и без чулков.

— На вас,—обижается управдел,—с таким вкусом трудно угодить. Что же, если не нравится, чорт с вами, пойдемте в третье место.

В третьем месте нельзя

было понять, что делается. Казалось, что даже столики подпрыгивали и плясали фокстрот. Барабанщик изо всей силы коленками, головой и локтями лупил в барабан. Какая-то блондинка уцепилась за мой галстук и, ни слова не говоря, стала меня вертеть. То же самое проделала другая блондинка с управделами.

А утром в ванной,

когда я обливал голову ледяной водой, управдел опять пристал ко мне со своим вопросом:

— Ну как, а это местечко удачное?

Место действительно было подходящее.

Но, чорт ее знает, из самолюбия что ли, я фыркнул и ответил:

— У нас в Ленинграде, в „Баре“, хоть дороже, но зато во много раз хуже...

Тогда этот управдел совсем рассердился и заявил:

— Вы такой требовательный, что я отказываюсь вам больше показывать. К тому у меня и служба. Прощайте,— и ушел.

Я ему вдогонку:

— Можете уходить. И без вас обследую все места, где буржуазия разлагается.

И, действительно, двинул сам по кабачкам и ресторанам города Берлина.

К вечеру

ко мне присоединился один немец, представился он мне, как беспартийный с подпольным стажем, и стал мне показывать все то болото, где буржуазия разваливается и гниет. Только я опять из-за своего самолюбия не показываю виду, а только фыркаю:

— Ничего особенного!

А немец разгорячился и кричит:

— Ах, так ты, подлец, еще недоволен, так я тебе и не то еще покажу...

Показывал он мне

три дня и три ночи... А на четвертый день, случайно обнаружив, что у меня в бумажнике только ресторанные счета, я поспешил в торгпредство. Там мне купили железнодорожный билет, посадили в вагон и даже без моей просьбы дали телеграмму... Так что меня уже в Себеже встретили. Сняли и повели.

На суде

было много хозяйственников, и я с большим чувством произнес свое краткое последнее слово:

— Дорогие, дорогие хозяйственники, — очень прошу вас, уезжая в командировку по делам службы в Берлин, Лондон, Париж и даже паршивую Ригу,—не интересуйтесь теми местами, где буржуазия разлагается. Ну их к дьяволу. Пусть разлагаются.

Многие в зале плакали.

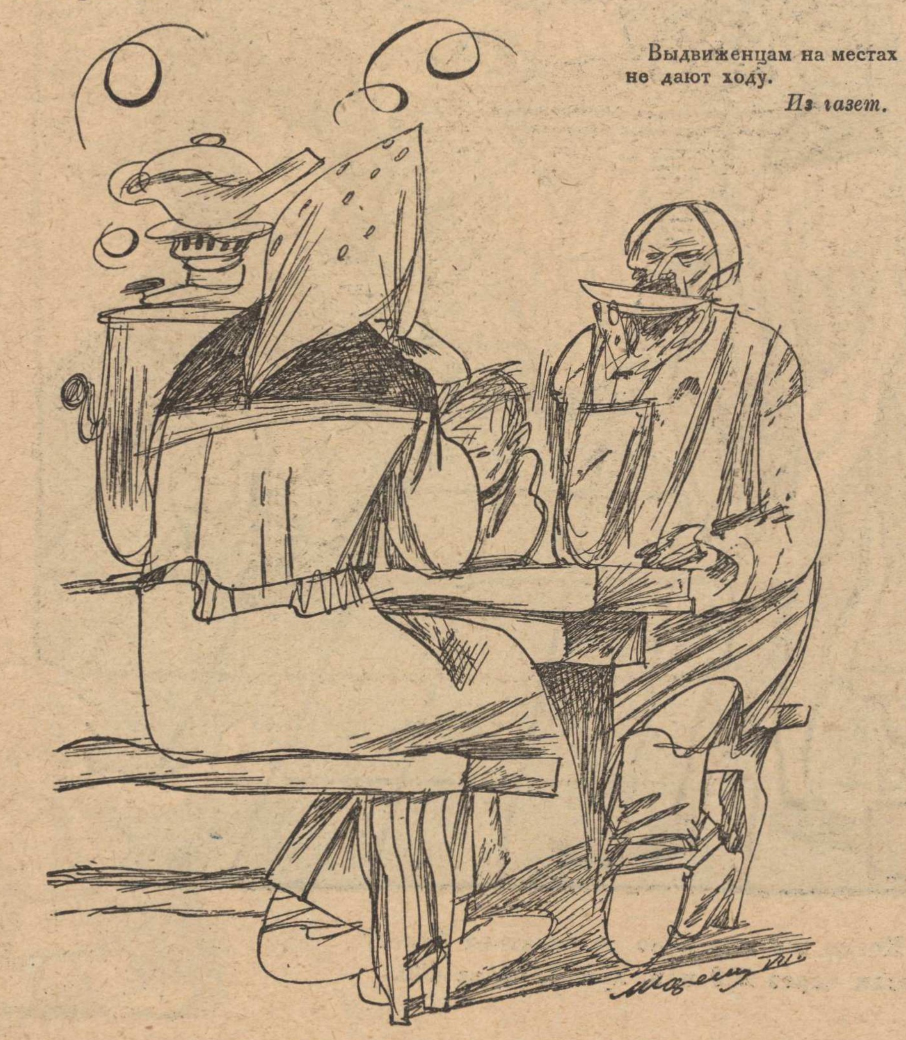
Б Левин

ТО ДА НЕ ТО...

Рис. М. Черемных

Выдвиженцам на местах не дают ходу.

Из газет.

— Твой сын, выдвиженец, небось, начальством стал? Разносит, чай?
— Да... чай разносит!..

ВЕРА ИНБЕР

ЗАЯЦ И СЛОНИХА

Пародия

СЛУШАЙ, милый мальчик,
Слушай тихо-тихо.
Жил однажды зайчик
И жила слониха.
И случилось горе,
Страсть приводит к лиху,
Серый зайчик вскоре
Полюбил слониху.
От любви терзаясь,
Меланхольный грустный,
Сохнет бедный заяц,
Словно лист капустный.
Сердце тает льдинкой,
Как шепнуть на ушко,
Если он—дробинка,
А слониха—пушка?
Как в любви до гроба
Зайчику излиться?
Разве влезть на хобот
Да и удавиться?
Разницу не сломишь
Пылкою любовью,
Ведь не в Моссельпроме-ж
Купишь мощь слоновью!
Я пишу без фальши,
Правду сочиняю.
Что случилось дальше,
Я сама не знаю.

Александр Архангельский

ВЫЯВЛЕННЫЙ, НО НЕ ИЗЖИТЫЙ КУЧЕР

Рис. Н. Радлова

В Вятке кинокартины попадают для перемонтажа к кучеру Совкино, а иногда — к конторской машинистке.

„БАГДАДСКИЙ ВОР“ по кучеру:
— Да рази-же такие лошади бывают? Ни в жисть!

„МАШИНИСТ УХТОМСКИЙ“ по машинистке:
— Наконец-то трудящая совбарышня будет охвачена на все сто процентов!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Керченские страсти

В могучем желании поскорее ликвидировать беспризорность, город Керчь превзошел все прочие города и даже не пощадил семейных тайн.

— Я, Марток Дорохин, по вызову Львенка Семина вношу 1 р. и вызываю соседку Верочку, н-ка гарнизона и дядю Колышкина (авансом за будущего ребенка).

Напрасно так насели на дядю Костю! Авансы под предстоящее рождение родители до сих пор старались получать сами, а никак не давали другим. Наконец, даст дядя Костя рубль за одного будущего ребенка, а у него потом двойня обозначится. И долго будет Костя насмехаться над околпаченным Мартоком. В общем, неверно Марток поставил дело помощи беспризорным.

Заготовка бешеных граждан

По городу Фрунзе милое распоряжение:

Тем гражданам, которые будут покушаны бешеными собаками, ветеринарный надзор будет выдавать на руки свидетельства о бешенстве этих собак **Собаки же живыми или убитыми обязательно должны доставляться ветеринарному надзору** для установления их бешенства.

Только имеющие на руках такие **свидетельства** могут отправляться здравотделом на излечение в Ташкент.

„Сов. Киргизия“.

Несомненно, что отныне граждане будут ловить покусавших их собак со всем усердием и страстью. Каждому лестно не умереть от бешенства. Погоня-же за таковыми собаками несомненно может нарушить уличное движение и общественную тишину.

Поэтому, необходимо сейчас-же предписать, чтобы вышеизложенные покусанные лица бежали за собаками исключительно по правой стороне улиц, а погоню позже 9 часов вечера и вообще воспретить, дабы не волновать население, мирно отправляющееся в кино, клубы и прочее. Вот эти два распоряжения вместе с приказом здравотдела вполне гарантируют то, что число граждан г. Фрунзе, заболевших бешенством, поднимется на удивление и даже зависть всему свету.

Мордобойная канцелярия

Неравноправный договор опубликован „Кимрской жизнью“:

Договор

Мы, нижеподписавшиеся, гр-не дер. Теплиново, Ильинской вол., Ф. П. Захаров, В. А. Захаров и И. Е. Чекоев обязуемся выполнить наше честное слово, что мы больше бить гражданина нашей деревни, Ал. Мих. Петрова, не будем.

Некоторым образом, знаменательный миг! Первая исходящая бумажка только что заведенной хулиганской канцелярии! „Подписи рук“ сам предсельсовета засвидетельствовал и припечатал печатью. Мордобойственный департамент открылся.

Дальше пойдут всякие деловые бумаженции:

„Дано сие гражданке Настьке Овой, что нами ей действительно всажен в бок финский ножик, в чем и подпи...“

„Гражд. Тихогласову. Вам надлежит явиться сегодня в восемь вечера к Машкину оврагу. Можешь не сомневаться,—жить не будешь. Зав. мордотделом—Кыця“.

А предсельсовета все будет удостоверять „подписи рук“ и припечатывать печатью.

Сельсоветы и любовь

Многие товарищи в центре мучатся, решают половые проблемы и прочее. А зачем решать, если на местах все уже решено, улажено и даже подписки взяты с кого надо было взять. И всякий половой вопрос исчерпан, будто его и не было.

Все большее значение в вопросах любви и брака приходится отводить сельсоветам.

Один из сельсоветов Вятского у., получив извещение о борьбе с эпидемиями, вывесил плакат: „Строго воспрещаются поцелуи кавалеров с барышнями“.

В.-Устюжский „Красный Звон“ публикует новость еще злее:

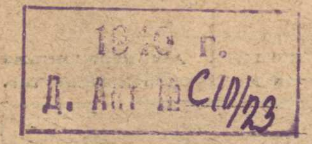
Председатель Власьевского сельсовета В.-Вохомского района, В. Попов, зарегистрировав брак не достигнувшего до совершеннолетия жениха гр-на д. Сороковые, взял с него подписку, что он не будет до совершеннолетия в связи со своей собственной женой.

Просто, легко и будто-бы даже понятно!

Издатель—„ГУДОК“. Отв редактор—**И. Н. Пирогов.**

Главлит 81233. Москва. 5-я типо-литография „Мосполиграф“, Мыльников п., 14 Тел. 4-88-39. Зак. 1025. Тираж 100000 экз

АРУТ ПРОДАЕТ СЕСТРУ

Член сельсовета хутора Урте Арут продает сестру за 25 рублей. Обычай продавать девушек еще не изжит.

(„Кр. Пахарь“, Майкоп)

Рис Ю. Ганфа

Хороша сестра у тебя, Арут!
Веселей козы, розовее утр...
Берегись, сестра! Глянет утро в пруд,—
Повезет сестру продавать Арут...

Чин Арута—высокий чин!
Мало с чином таким мужчин...
Вынес сестру на базар Арут:
— Много хочешь! — купцы орут.

Говорит Арут:— Не скупись на почин,
Потому что я государственный чин...
Частник возьмет — дороже возьмет,
И товар даст — не жену, а помет!

Увезли сестру... Только стук копыт...
Пыль летит прямо небу в шелк.
Но умчалась пыль... Сдохнет старый быт,
Ковыляет он, как подбитый волк.

О.